

- Child Custody Disputes: A Systematic Guide for Family Therapists, Court Counselors, Attorneys, and Judges* (San Francisco: Jossey-Bass, 1983).
- 11 Stulberg, J., *Citizen Dispute Settlement: A Mediator's Manual* (Tallahassee: Supreme Court of Florida, 1981).
 - 12 Amunsden, J., Stewart, K., and Valentine, L., "Temptations of Power and Certainty," *Journal of Marital and Family Therapy*, 1993, 19(2), 111–123; Hoffman, L., "A Reflexive Stance for Family Therapy," in S. McNamee and K. Gergen (eds.), *Therapy as Social Construction* (Thousand Oaks, Calif: Sage, 1992); Anderson, H., and Goolishian, H., "The Client Is the Expert: A Not-Knowing Approach to Therapy," in S. McNamee and K. Gergen (eds.), *Therapy as Social Construction* (Thousand Oaks, Calif.: Sage, 1992).
 - 13 White and Epston, *Narrative Means to Therapeutic Ends*; Monk, Winslade, Crockett, and Epston, *Narrative Therapy in Practice*; Freedman and Combs, *Narrative Therapy*; Dickerson and Zimmerman, *If Problems Talked*.
 - 14 White, M., *Narratives of Therapists Lives* (Adelaide, Australia: Dulwich Centre Publications, 1997).
 - 15 Epston, D., and White, M., "Consulting Your Consultants," in D. Epston and M. White (eds.), *Experience, Contradiction, Narrative and Imagination* (Adelaide, Australia: Dulwich Centre Publications, 1992).
 - 16 White, "The Process of Questioning."
 - 17 White, "The Process of Questioning."

Глава вторая

Теоретические и философские основания нарративной медиации

...меня подводит сердце, а голову пронизывает боль, но я обязан мне оценить открывшееся знание, свести в единый том сокровища науки; и проследить, откуда что идет и каковы последствия; пусть станет понятным актуальное влияние и весь потенциал латентный, скрытый. Суровым взглядом критика смотрю на собственную схему я; развев ее сполна, свергаю с пьедестала, на который в надежде прежде сам ее вознес.

Роберт Браунинг. Парацельс

В настоящее время в литературе по медиации доминирует подход, ориентированный на решение проблемы (*problem-solving*) – или, иначе, подход, основанный на интересах (*interest-based approach*). Эта модель так захватила на Западе философию и практику медиации, что почти не уделялось внимания тому, чтобы разрабатывать альтернативные концепции медиации. Подходы, ориентированные на решение проблемы, основываются на нескольких исходных посылах относительно того, что представляет собой конфликт, человеческие намерения и отношения¹. При внимательном рассмотрении эти посылки могут быть оказаться весьма сомнительными, – и действительно, в последние годы они многократно оспаривались. В данной главе мы опишем некоторые из этих посылок – и брошенный им вызов. А затем рассмотрим теоретический базис нарративной перспективы в медиации и те исходные представления, на которых основывается наша работа в этой области.

Кто-то из читателей сочтет описание теоретического ландшафта несущественным и решит пролистнуть эту главу. Мы хотели бы попросить вас не делать этого, потому что нарративные практики в медиации больше основываются на принятии определенной философской позиции, нежели на освоении конкретных техник. Те, кто усвоили позицию, относительно легко и быстро освоят техники и, скорее всего, создадут новые техники и будут развивать данное направление. Те же, кто пытаются заниматься нарративной медиацией исходя из упрощенческой практической ориентации, в скором времени начинают блуждать; они не способны воплотить дух подхода. Наш опыт подсказывает, что идеи, на которых основана нарративная медиация (многие из них будут здесь описаны), обладают мощным потенциалом, они способны довольно тонко, но существенно трансформировать практику. Поэтому мы бы все-таки настаивали, чтобы вы ознакомились с теми простыми идеями, которые изложены в этой главе.

Основания подхода, ориентированного на решение проблемы

В самом сердце подхода, ориентированного на решение проблемы, лежит идея о том, что ситуация, когда та или иная потребность или интерес человека не удовлетворяется, то есть фрустрируется, приводит к возникновению той или иной формы конфликта. Согласно этой точке зрения, конфликт возникает тогда, когда достижение интересов или удовлетворение потребностей одной стороны воспринимается как несовместимое с достижением интересов или удовлетворением потребностей другой. Подобная позиция представлена в таких утверждениях как: «Решение проблемы – это ориентация на переговоры, сфокусированные на поиске решения, на удовлетворении потребностей, лежащих в основе интересов каждой из сторон»². Теоретические основания такого представления состоят в том, что

противостояние, создаваемое конкурирующими интересами, «застывает» и «затвердевает» в определенных позициях, которые приводят к дальнейшей поляризации мнений. Участники конфликта сосредотачиваются на защите собственных позиций, стараясь при этом напасть на позицию другой стороны и как-то подорвать ее.

За этими идеями стоит ряд допущений. Одно из них – что конфликт рассматривается в рамках такой психологии, которая сфокусирована на индивиде (в отличие от психологии, для которой первичным является социальный взгляд на бытие людей). Первичность индивида в этой модели медиации настолько значима, что даже когда конфликт подразумевает противостояние групп, эта модель направляет и побуждает нас осмыслять конфликт в терминах, заимствованных из индивидуальной психологии. Индивиды считаются перводвигателями собственных миров, а сообщества описываются как совокупность отдельных людей, которые действуют автономно и ответственны за совершаемый выбор. Выявление потребностей отдельного человека и приспособление к его интересам рассматриваются как цель существования сообщества и как сущностный компонент успешной медиации.

Второе важнейшее допущение, встроенное в модель, ориентированную на решение проблемы, – в том, что отдельные люди подвижны, в первую очередь, потребностями, порождаемыми *изнутри*. В медиации потребности проявляются в виде интересов. Считается, что источник подобных потребностей – в человеческой природе, а не, к примеру, в культурных паттернах мышления. В этой теории имплицитно подразумевается, что стороны конфликта преследуют собственные интересы, и для достижения успеха любых переговоров необходимо, чтобы соответствующие потребности обеих сторон были удовлетворены. В основе таких представлений об индивидуальных потребностях лежит серия положений, признанных в разных психологических теориях. Например, представление Зигмунда Фрей-

да о психодинамическом противоборстве внутриспсихических сил индивида или иерархия потребностей, разработанная Абрахамом Маслоу, опираются на гипотезы о том, что на базовом уровне мотивации индивида находится внутренне присущая человеку эгоистическая направленность на поиск удовольствия³. Положения, основанные на примате индивидуальных потребностей, отвлекают наше внимание от культурного, коллективного, или «отношенческого», аспектов личности. В результате, как только мы выясним в ходе медиации, в чем состоят эти базовые интересы, и отличим их от первоначально заявленных поляризованных позиций, мы будем склонны рассматривать притязания людей на что-либо, что они «считают себя вправе», в качестве каких-то биологических сущностей (неотчуждаемых прав?).

Не только медиаторы опираются на эти представления при описании человеческого поведения. В современном мире рассуждения, ставящие в центр индивидуальные потребности, являются частью обыденного дискурса. Они широко распространены, их принимают, как нечто само собой разумеющееся, они задают призму, сквозь которую люди смотрят на мир, и на основе того, что видят, конструируют свои потребности и желания. Эти допущения влияют на ожидания людей и их поведение, на то, каким образом они откликаются и реагируют на поведение других, обосновывают то, что считают приемлемым в своих социальных взаимодействиях. Ожидания, в свою очередь, конструируют понимание того, какие коммуникативные ходы и реакции возможны, какие исходы являются предпочтительными, какую роль в процессе должен играть медиатор. Другими словами, эти ожидания становятся доминирующими нормами, под которыми люди «подписываются» и под которые «подгоняют» смыслообразующие поступки в своем повседневном взаимодействии друг с другом в различных обстоятельствах.

Третье фундаментальное положение касается конфликта как такового. Оно вытекает из положения, что движущей

щей силой человеческого поведения является удовлетворение индивидуальных потребностей. Считается, что конфликт происходит оттого, что не удовлетворены индивидуальные потребности. Разногласия возникают, когда люди в попытке удовлетворить свои потребности сталкиваются с другими людьми, воспринимающими действия первых как угрозу для удовлетворения их собственных потребностей. Фрустрация неудовлетворенных потребностей ведет к дефицитарному состоянию, которое подпитывает мотивацию к удовлетворению потребностей. Таким образом, переживание нехватки, обделенности (неудовлетворенная потребность) считается основой мотивации, приводящей к конфликту. Этот дефицит может быть устранен, а потребность – удовлетворена, когда находится решение проблемы.

В основе этой идеи лежит биологическая метафора гомеостаза. Неудовлетворенные потребности – это неравновесные состояния. Биологический организм движим стремлением вернуться к состоянию стабильности (гомеостазу); находится решение, и гомеостаз (равновесие) восстанавливается. В чем же, с этой точки зрения, состоит задача медиации? Она состоит в том, чтобы находить решения, которые будут удовлетворять потребностям обеих сторон, то есть отдельных людей, и восстанавливать гомеостаз⁴.

Роджер Фишер и Вильям Ури иллюстрируют процесс медиации, основанный на интересах, рассказывая историю, ставшую теперь широко известной, о двух людях, которые спорят по поводу температуры в комнате⁵. Одному человеку слишком жарко, и он хочет открыть окно, чтобы комната проветрилась. Другой беспокоится, что, если откроют окно, то начнется неприятный сквозняк и, может быть, будет холодно. Фишер и Ури предлагают альтернативу традиционному методу решения проблем, в соответствии с которым стороны приходят к компромиссу и отказываются от части того, к чему стремятся (ну, например, можно открыть окно не широко, а чуть приоткрыть). В рамках альтернативного подхода акцент ставится на выявление

потребности, которая лежит в основе конфликта, а именно, в более приятной температуре в комнате; проблема решается за счет того, что оба поняли: если открыть окно не в этой комнате, а в соседней, то комната проветрится, а сквозняка не будет. Таким образом будут удовлетворены потребности и в свежем воздухе, и в равномерной температуре в комнате.

Четвертое предположение, встроенное в модель, ориентированную на решение проблемы, состоит в том, что медиатор является объективной, нейтральной третьей стороной. Если у сторон-участников конфликта есть потребности, медиатор является нейтральным по отношению к этим потребностям. Если у сторон есть интересы – у медиатора интересов нет. Если стороны стремятся к содержательным целям – медиатор заботится только о процессе и о том, чтобы создать для обеих сторон возможность достичь своих целей во взаимовыгодном решении. Эталон медиатора – ученый, отстраненный нейтральный наблюдатель, применяющий знания, порожденные в рамках модернистских научных традиций, в которых как раз и укоренено представление о решении проблем. В этой традиции акцент ставится на порождении и применении универсальных культурных истин и, хотя проблемы культуры и гендерной принадлежности обуславливают некоторую предвзятость и искажение в восприятии ситуаций, хорошие модели медиации стремятся это искажение устранить.

Критика основных положений подхода, ориентированного на решение проблемы

Сразу оговоримся, мы не будем утверждать, будто приведенные положения абсолютно неверны. Скорее, нарративная точка зрения побуждает нас рассматривать анализируемые представления о том, как следует понимать конфликт и разрешать его, как одну из возможных концептуализаций переговоров или практик медиации. Эти представ-

ления составляют правдоподобную историю о происхождении конфликта и о том, как он может быть разрешен. Мы допускаем, что эта история возникает из контекста, где она вполне осмысленна. В ней выражены определенные культурные предпочтения и представлены специфические исторические условия. Даже когда подобные истории выдаются за науку, мы отдаем им должное, они занимают определенное место в культурно-историческом контексте. Но другие контексты, культурные и исторические, приведут к другим формулировкам и другой расстановке акцентов. На языке социального конструкционизма можно сказать, что идеи конструируются из доступных дискурсов, циркулирующих в сообществах, в которых мы живем, причем в той же степени, что и наши чувства, мысли и переживания. Таким образом, идеи индивидуалистического дискурса, базирующегося на понятии *потребностей*, представляют собой только один из возможных способов видения, один из способов суждения о мире и его осмысления.

В течение нескольких последних лет из разных источников доносилось недовольство методом, ориентированным на решение проблемы, и теми допущениями, на которых он основывается. Существование подобной критики, как нам кажется, указывает на другие правдоподобные точки зрения и подходы к разрешению конфликтов. Прежде чем перейти к более подробному описанию социально-конструкционистской точки зрения, рассмотрим некоторые пункты этой критики.

В литературе по медиации часто подвергается сомнению положение, что медиатор занимает нейтральную, незаинтересованную позицию по отношению к потребностям вовлеченных в конфликт сторон. Критики обращают внимание на то, какие культурные ценности принимаются при подобном описании как нечто само собой разумеющееся. Дженет Рифкин, Джонатан Миллен и Сара Кобб заметили, что «нейтральность медиатора» скорее бытует как фольклор, нежели теоретический концепт⁶. Представление

о медиаторе как о нейтральном ведущем процесса, который «не выносит суждений, не дает оценок и не производит ценностных вмешательств», но «полностью поддерживает всех вовлеченных лиц и занимает не обвиняющую, нейтральную позицию», сейчас трудно считать приемлемой⁷. Разумнее видеть в медиаторе человека, неспособного выйти за пределы пространства и времени и своих собственных культурно и исторически укорененных ценностей. Откликаясь на истории, которые рассказывают люди, медиаторы, скорее всего, будут расставлять акценты, давая преимущества определенным точкам зрения над другими, или будут настраиваться больше на одних людей, нежели на других.

Представление о том, что можно отделить содержание от процесса и что лучше рассматривать медиатора как того, кто ведет процесс, но при этом остается нейтральным по отношению к содержанию, тоже подвергается сомнению. Линда Патнэм показала, как определенные представления о процессе (например, мышление в терминах инструментальных целей) влияет на выбор предмета обсуждения или на расстановку акцентов. Она высказывает предположение, что инструментальное, целеориентированное мышление ведет к тому, что привилегированными оказываются «вещные проблемы по сравнению с проблемами взаимоотношений и по сравнению с изменениями представлений человека о себе»⁸. Сходным образом Джозеф Фолджер и Роберт Буш показали, что «ориентация на достижение соглашения» сужает диапазон возможных предметов обсуждения, которые могли бы быть рассмотрены в процессе медиации⁹.

Феминистская критика тоже бросает вызов медиаторам в связи с проблемой нейтральности. Феминистки сосредоточили анализ на конструкции власти в гендерных отношениях и неспособности медиации повлиять на распределение гендерных привилегий. Они обвиняют подход, ориентированный на решение, в том, что так называемые решения «выигрыш – выигрыш» (*win-win solutions*) зачастую

просто отражают заранее существующие отношения власти между сторонами, а эти отношения, в свою очередь, конструируются в соответствии с паттернами привилегий, основанных на патриархальных положениях о том, «как все должно быть». Таким образом, патриархальная власть, если она в процессе медиации не становится специальным предметом анализа, воспроизводится в достигнутых результатах, заданных так называемой нейтральной позицией медиатора¹⁰. Особое внимание критики, придерживающиеся феминистской точки зрения, сосредоточили на неспособности медиаторов быть чувствительными к воздействию насилия и жестокого обращения на ход самого процесса медиации.

Медиация, ориентированная на решение проблемы, критикуется и с позиций различных неевропейских этнических общин. Например, акцент на таких понятиях индивидуальной психологии, как «потребности» и «интересы», не вписывается в культурные традиции, подчеркивающие коллективную ответственность и ее большую значимость по сравнению с автономией отдельного человека¹¹. Кроме того, идеи нейтрального ведения процесса и достижения взаимовыгодного результата не позволяют разрешать такие ситуации, где интересы одной из сторон во многом продиктованы расистскими установками. Паттерны разрешения конфликта, специфичные для той или иной культуры, не всегда органично включаются в подход, не раскрывающий собственных культурных истоков.

Вся эта критика указывает на необходимость разработки других базовых моделей медиации. С нашей точки зрения, для того чтобы лучше осмыслить практику и разобраться с теми проблемами, на которые указывает критика, медиация нуждается в теоретических разработках. Мы убеждены, что социальный конструкционизм предлагает нам вполне адекватный набор идей для формирования такого подхода к медиации, который будет и теоретически обоснованным, и практически ориентированным. Нарра-

тивный подход к медиации все больше сближается с социально-конструкционистскими принципами, которые мы и опишем, прежде чем перейти к обсуждению их практического применения. Кроме того, мы рассмотрим возможности, произрастающие из самой нарративной метафоры.

Принципы социального конструкционизма

Вивьен Барр описала семь основных характеристик социально-конструкционистского мышления¹². Мы используем эти характеристики в качестве основы применения социально-конструкционистских принципов к практике медиации. Для наших целей в этой главе мы сведем предложенные семь характеристик к четырем: антиэссенциализм, антиреализм, язык (речь) как предварительное условие мышления и язык (речь) как форма социального действия.

Антиэссенциализм

Антиэссенциализм – это идея о том, что люди в большей степени являются продуктами социальных процессов, нежели определяются какими-то внутренне присущими им неотъемлемыми характеристиками или структурами. Определяется ли эта так называемая «сущность» биологическими детерминантами или окружающей средой – не имеет особого значения. Социально-конструкционистская точка зрения предполагает, что человеческая природа намного более подвижна и нестабильна, чем предполагалось раньше. Прежде нам рассказывали, что нечто «жестко закреплено» в нашей душе или психике, но если взглянуть сквозь призму социального конструкционизма, окажется, что это «нечто» нанесено на нас, как на карту, окружающим нас социальным и культурным миром.

С теоретической точки зрения такое представление расширяет исходные послышки индивидуалистической психологии. Концепт индивидуальных психологических по-

требностей, на которых основаны интересы людей, оказывается не таким уж надежным. Это не означает, что люди не принимают собственные потребности близко к сердцу, но сдвигает баланс взаимоотношений между социальными изменениями и изменениями личностными. С точки зрения социального конструкционизма потребности не столько внутренне присущи людям (или «врождены» им в силу «человеческой природы»), сколько конструируемы в дискурсе, в процессе порождения высказываний и общении, а следовательно, иные формы общения потенциально могут привести к пересмотру потребностей. Подобная перспектива сдвигает цель медиации с поиска способа удовлетворения потребностей (где потребности воспринимаются как статичные и само собой разумеющиеся) в сторону трансформации. То, что довольно остро переживается как потребность в одном контексте или при одной формулировке проблемы, может существенно измениться, если будет рассмотрено при другом способе обсуждения.

Антиреализм

Антиреализм ставит под сомнение существование объективных фактов. Все знание – это знание с определенной точки зрения, с определенной позиции. Точки зрения имеют относительный характер, они представляют определенные культурные или социальные версии реальности. В этом смысле знание никогда не может быть финальным, окончательным, оно привязано к временному и пространственному контексту, к социальному ландшафту, в котором произведено. При конструировании определенной реальности позиция, с которой нечто рассматривается, настолько же важна, как и объект, подвергающийся изучению. А потому достижение «истины» по поводу чего бы то ни было – это в той же степени попытка понять, с какой позиции объект выглядит именно так. Более того, считается, что все факты служат определенным интересам в результате процесса

«приписывания привилегий» (когда точкам зрения приписывается статус установленных или общепринятых фактов).

Этот принцип имеет практическое приложение к тому, каким образом медиаторы слушают истории, которые им рассказывают участники конфликта. Задача медиации – не только помочь людям разобраться и отделить факты от истории конфликта или даже установить в качестве фактов интересы или потребности. Задачей становится *деконструкция точек зрения*, с которых подобные «факты» были установлены, и понимание того, чьим интересам эти точки зрения служат. В ходе медиации все эти понятия становятся более подвижными. По-другому это можно описать следующим образом: с социально-конструкционистской точки зрения мы не просто заинтересованы в том, чтобы в процессе медиации выслушать факты и установить интересы сторон. Мы также проявляем интерес к культурным и историческим процессам, приведшим к возникновению этих фактов и интересов.

В рамках социального конструкционизма подразумевается, что теории человеческих потребностей, например уже упомянутые теории Фрейда и Маслоу, должны рассматриваться как правдоподобные истории или метафоры, произведенные на конкретном культурно-историческом ландшафте, а не как универсальные истины. Сходным образом теории и модели медиации никогда не могут достичь того уровня достоверности, который бы преодолевал ограничения культуры и истории. Даже когда теории и модели проверены и подтверждены эмпирически, они не в состоянии избежать влияния того мира культуры и языка, в котором методы эмпирической валидации были оформлены и созданы.

Язык как предварительное условие мышления

Идея о том, что язык является предварительным условием мышления, была подробно рассмотрена австрийским философом Людвигом Витгенштейном. Согласно Витген-

штейну, способ нашего мышления и те понятия и категории, которые мы используем в мышлении, предоставляются нам языком, существовавшим еще до того, как мы вступили в него¹³. Следовательно, неверно было бы считать, что у людей «внутри» есть мысли или чувства, которые существовали до того, как были выражены. Скорее, имеет смысл говорить о том, каким образом дискурсы и лингвистические формулы оформляют и конструируют наш субъективный опыт. Другими словами, язык, или дискурс, является предварительным условием мышления.

Более того, слова не являются всего лишь нейтральными инструментами, которые мы используем для того, чтобы репрезентировать события или реальность. Как утверждал Витгенштейн, слова конструируют события. С этой точки зрения смысл языка в творении мира, а не в соотношении слов с событиями в мире. Язык – не просто посредник для передачи идей или инструмент для раскрытия содержания сознания. Язык «вговаривает» нас в бытие и составляет нашу личность настолько, насколько мы используем этот язык для того, чтобы общаться с другими¹⁴.

Что это значит для медиации? Эта *конституирующая* функция языка (то есть то, каким образом он производит человеческий опыт) имеет важные следствия для понимания природы конфликта. Это имеет прямое отношение к медиации, которая по сути своей является смыслопорождающей деятельностью. Если понимать язык (речь) как смыслопорождающую деятельность, а не пассивную функцию отражения, смысл не может быть выбран произвольно. Тогда мы рассматриваем язык как открывающий нам какие-то возможности или принуждающий к тем или иным выборам. Эти идеи имеют важнейшее значение для медиации. Традиционное психологическое разделение между речью и поведением становится незначимым. Напротив, мы можем рассматривать разговоры, которые происходят у нас в процессе медиации, фактически как творящие наш опыт.

Другим результатом размышлений о языке как предварительном условии мышления является то, что подобная позиция подрывает нашу привычку слушать истории людей как выражающие какие-то глубинные, наличные потребности. Вместо этого мы будем слушать истории, которые рассказывают люди о конфликте, как определенную риторику, как языковые конструкции, оформляющие их опыт. Но язык мы не создаем себе сами, мы наследуем большую его часть из культурного мира, в который приходим. Поэтому с социально-конструкционистской точки зрения не так просто рассматривать отдельных людей как «перво-двигателей» собственного мира. Следовательно, индивидуалистский взгляд либерально-гуманистической традиции, из которой происходят модели, ориентированные на решение проблем, не может более рассматриваться как свободный от ценностей культурно-нейтральный взгляд, и тогда у нас появляется место для моделей, которые строятся на иных убеждениях. К примеру, на коммунитарных, коллективистских описаниях того, что означает «быть человеком». Кен Герген, например, говорит, что «не отдельный индивид рождается и умирает»; скорее, если мы взглянем на человека с точки зрения взаимоотношений, то люди «рождаются в общность, в отношения», а когда мы умираем, умирает не отдельный человек, но умирает «определенный паттерн, узел взаимоотношений»¹⁵.

Язык (речь) как форма социального действия

Из этого следует, что если личности конструируются в языке и дискурсе, то основными понятиями психологии скорее оказываются повседневные взаимоотношения между людьми, нежели внутренние психологические феномены (например, установки, когниции или мотивация) или даже социальные структуры. Именно в этих взаимодействиях, как нам представляется, конструируется мир. Общаясь друг с другом, люди не просто выражают то, что у них внутри, они

создают собственный мир. Этот сконструированный мир включает внутренний мир человека и опоры, на которых выстраиваются социальные структуры. Таким образом, язык является *перформативным*, и его использование – это определенная форма социального действия. Это противоречит типичной идее традиционной психологии о том, что язык – это пассивное средство передачи мыслей и чувств, которые выражаются, и поступков, которые описываются.

Для медиации следствие изложенного взгляда заключается в том, что она являет собой не просто место для разговоров о действии – это всегда *пространство для осуществления социального действия*. Здесь жизнь и отношения оформляются, творятся, воспроизводятся. Именно здесь культурные истории воплощаются и отыгрываются. Здесь происходят социальные или институциональные изменения. Если мыслить таким образом, то медиация – это не просто место, где решаются какие-то межличностные проблемы и восстанавливается социальный гомеостаз, это место, где мы должны обращать внимание на то, какой мир мы создаем в ходе разговора, поскольку в этом процессе мы всегда создаем какой-то мир.

Нарративный взгляд на конфликт

То, как мы используем метафору нарратива в медиации, определяется мощным влиянием философского движения постмодернизма¹⁶. Постмодернистская философия подчеркивает громадную вариативность, разнообразие в том, как люди проживают свою жизнь в зависимости от различных окружающих их дискурсивных контекстов. Постмодернистское мышление предполагает, что нет однозначно определяемой реальности, скорее, существует большое разнообразие того, каким образом мы осмысляем свою жизнь. Различия, возникающие из этого разнообразия, время от времени будут неизбежно приводить к конфликтам между людьми. Отсюда, с нарративной точки зрения, конфликт

понимается как детерминируемый извне, как почти неминуемый побочный продукт разнообразия, а не результат выражения индивидуальных потребностей или интересов.

С нарративной точки зрения, конфликты возникают еще и потому, что у людей нет прямого доступа к истине или фактам по поводу тех или иных ситуаций. Скорее, люди рассматривают происходящее с какого-то ракурса, с какой-то культурной позиции. Опираясь на нее, они разворачивают историю о том, что произошло, и продолжают действовать в социальной ситуации исходя из той истории, которую создали. С этой точки зрения факты – всего лишь общепринятые истории. Время от времени истории приводят к диаметрально противоположным прочтениям событий. И, опять же, никто в этом не виноват. Этого следует ожидать, принимая во внимание характер культурного взаимодействия между людьми. И тем не менее, эти истории приводят к определенным эффектам – они продуцируют реальность.

Конфликт является также неизбежным продуктом функционирования власти в современном мире. Дальше в этой главе мы представим очерк постструктуралистского анализа современной власти, но сейчас достаточно сказать, что этот анализ подчеркивает остроту соперничества в борьбе за то, чья история, чьи смыслы получают привилегированное положение. Подобное соперничество является центральным в постоянном созидании социального мира. Оно никогда не завершится. Власть и привилегии часто подвергаются угрозе, и можно предположить, что многие из разногласий, которые люди приносят на медиацию, – это истории о подобном соперничестве. Например, в извечном споре между мужчинами и женщинами о том, на что они имеют право, медиация развода является ключевым местом для производства или воспроизводства отношений власти между полами.

Дискурс

Понятие дискурса – это полезная метафора для понимания медиации. Дискурс – это процесс взаимодействия между людьми и одновременно результат этого взаимодействия. Разговоры между людьми происходят в рекурсивных паттернах в рамках определенных культурных и географических пространств, и тем самым мы можем говорить об этих паттернах как особых дискурсах. Часто непосредственно за поверхностью какого-нибудь разговора находится набор утверждений о том, как устроен мир. Эти утверждения придают смысл тем словам, которые звучат в разговоре. Подобные дискурсы также придают смысл социальным практикам, личному опыту, социальным институтам и договоренностям. Дискурсы включают само собой разумевшиеся убеждения, которые позволяют нам «знать, как жить дальше» (согласно Витгенштейну) в социальных ситуациях любого рода¹⁷.

Исследование дискурсов в медиации – очень полезное средство для деперсонализации конфликта. Оно помогает увидеть, каким образом смысловые системы или поля знаний и верований оформляют не только точку зрения людей, их желания и намерения, но и вообще саму природу конфликта¹⁸. Фокусировка на дискурсивном контексте конфликта позволяет отойти от упорной сосредоточенности на отдельном человеке как существе, не зависящем от контекста, которое якобы создает конфликт и является его причиной. Акцент ставится на том, каким образом в дискурсе конструируется смысл, а не как отдельный человек становится источником разногласий.

В одно и то же время на людей может влиять несколько различных дискурсов. Чтобы проиллюстрировать эту ситуацию, Майкл Эппл использовал метафору одновременного вещания нескольких радиостанций¹⁹. Наименование дискурсов, их обозначение может помочь медиатору услышать и обозначить источник сигналов, звучащих одновре-

менно. Другими словами, чем больше медиаторы знают значимых дискурсов, касающихся конфликта, тем более вероятно, что они смогут помочь найти путь к его разрешению. Чем меньше медиаторы знакомы с доминирующими конфликтующими дискурсами, тем им труднее понимать всю сложность конфликта.

Деконструкция

Идея деконструкции, как она используется в этой книге, состоит в том, что есть возможность «распаковать» принятые как нечто само собой разумеющееся убеждения, объектами воздействия которых мы оказываемся в результате функционирования дискурсов²⁰. Идеи, которые притворяются неопровержимой истиной или неизбежной реальностью, в процессе деконструкции «выводятся на чистую воду». Деконструкция достигается за счет принятия иной позиции в дискурсе, нежели та, которая считается нормальной, – за счет рассмотрения происходящего с новой точки зрения. В этом процессе «остранения»^{*} знакомое становится экзотическим, логика доминирующих историй больше не кажется неизбежной, в историях высвечиваются бреши или несостоятельность, и открывается возможность сопротивляться «неопровержимой истине». Деконструкция меньше похожа на противостояние, нежели критика.

Но чем, собственно, такая идея деконструкции может быть полезна для практики медиации? Если коротко, тем, что поддерживает любознательное вопрошание, а не просто принятие всего как факта. Если медиация – это создание новых смыслов в конфликте, где существующие смыслы никого не удовлетворяют (люди в них «застряли»), тогда деконструирующее слушание и деконструирующее расспрашивание оказывается очень полезным средством ре-

^{*} Термин «остранение» введен В. Шкловским в контексте исследования литературных приемов, применяемых Л. Толстым. – *Прим. перев.*

шения этой творческой задачи. Конфликтную историю, рассказываемую сторонами, можно представить себе как чемодан, в который накинато большое разнообразие смыслов. Это те смыслы, которые создали стороны конфликта, пытаясь понять происходящее. Смыслы сотканы из дискурсов, воздействию которых люди подвергаются в течение жизни, а задача медиатора – распаковать чемодан и вынимать оттуда один за другим разные предметы, показывая их участникам конфликта. Подобная распаковка подразумевает принятие «позиции наивности» и задавание вопросов не столько о скрытых глубинах чемодана, сколько об очевидном, наглядном, о том «багаже», который сопровождает конфликт.

Например, если человек говорит, что другой относится к нему грубо, обижает его, медиатор может спросить, что конкретно подразумевается под «грубо относится» и «обижает». Такой вопрос не должен побуждать к конфронтации, которая заставляет человека занять защитную позицию, – это уважительная любознательность, вопрос по поводу представлений и убеждений, на основании которых человек полагает, что другой грубит и обижает его. За ответным описанием обнаруживается набор стандартов, который используется клиентом для вынесения оценки чужому поведению. Исследование смысла, приписываемого клиентом тем или иным событиям, открывает не только факты произошедшего, но также мировоззрение, из которого произросли сами стандарты суждений о них. Деконструирующее расспрашивание делает видимыми базовые убеждения, и появляется возможность их пересмотреть. Когда дискурсивные позиции получают наименования, сами дискурсы выводятся на первый план, с ними можно что-то сделать и изменить их.

Подобный подход позволяет также «разобрать на части» само собой разумеющиеся убеждения сторон о природе конфликта как такового. Это помогает медиатору избежать преждевременных умозаключений или предположе-

ний о характере данного конфликта или о личном опыте вовлеченных в него людей. Однако подобное расспрашивание требует навыка, надо научиться распознавать, какие дискурсы задействованы в той или иной конфликтной ситуации. Потенциал мышления в терминах дискурса проявляет свою мощь, когда не поддающиеся изменениям истощающие паттерны взаимодействия деконструируются и открываются возможности для того, чтобы занять новую позицию в рамках конкретного дискурса или предпочесть иной дискурс в качестве основной системы отсчета.

Множественная субъектность и природа «я»

То, как медиаторы понимают природу «я», влияет на способ работы с конфликтом. Мы уже обсуждали, что в подходах, ориентированных на решение проблемы и базирующихся на концепции интересов, в качестве обоснования выдвигается существование автономного человека как независимого, неизменного, единого, самомотивирующегося и саморегулирующегося существа. Подобное определение направляет поиск причин и факторов конфликта «внутри человека». В этом случае люди, вовлеченные в конфликт, рассматриваются статично, а их сопротивление разрешению конфликта – как происходящее из упрямства и узколобости. Когда смыслопорождение локализуется внутри отдельного человека, потребность в изменении и урегулировании считается его индивидуальной ответственностью²¹. Это ведет к представлению о том, что люди несут полную ответственность за свои поступки и выбор делать или не делать что-либо находится полностью в их власти.

Альтернативный взгляд состоит в том, чтобы искать «узкие» культурные и социальные предписания, ограничивающие способность людей видеть доступные им возможности. Сквозь призму постмодернизма проблема видится не как личная несостоятельность человека, но как нечто, конструирующееся в паттерне взаимоотношений. С этой точки зре-

ния, ключевым для понимания «я» и идентичности человека является социальный контекст. «Я» составлено из развивающихся в рамках дискурса определенной культуры мифов, традиций, верований, предположений, ценностей. Филип Кушман формулирует различие между социально-конструкционистской точкой зрения на культуру как конституирующую силу – и модернистским пониманием:

«Культура – это не национальная одежда, которая скрывает тело универсального человека. Культура пронизывает людей, фундаментальным образом придавая облик, оформляя их и то, как они видят других, каким образом вступают в отношения взаимной обязанности, то, каким образом в повседневной жизни они совершают выбор»²².

Индивид конституируется социальными практиками и всегда претерпевает воздействие дискурсов и культурных установлений, присутствующих в повседневном взаимодействии с другими людьми. В каждом взаимодействии у индивида есть возможность воссоздать, реконструировать себя заново. С этой точки зрения, идентичность человека не фиксирована, она не переносится им в неизменном виде из одного контекста в другой. Это более динамический взгляд на природу «я», нежели гуманистический или модернистский, которые подчеркивают возникновение потребности в личном волеизъявлении и мотивации «изнутри».

С постмодернистской точки зрения, именно повторяющиеся взаимодействия людей, а не некая внутренне присущая стабильная природа человека, обеспечивают устойчивость и чувство самотождественности. Часто подобная стабильность, чувство длящейся самотождественности являются предпочтительными, удовлетворительными, потому что паттерн отношений способствует комфорту и гармонии. Когда же повторяющиеся паттерны конфликтуют, они становятся проблематичными. В этом случае люди могут обратиться к медиатору, чтобы тот помог им разорвать эти взаимодействия и создать контекст, в котором могут возникнуть новые самоописания.

Подобное описание тождественности и согласованности «я», выстроенное в дискурсе и в рамках повторяющихся взаимодействий, имеет еще одно следствие. Оно ведет к идее о том, что «я» является не таким стабильным, как это постулируется в модернистской психологии. Это «я», открытое множеству воздействий, исходящих зачастую из противоречивых источников. Модернистская позиция стремится подчеркнуть примат рационального над телом и эмоциями и способность ума интегрировать опыт для того, чтобы человек мог занять цельную, непротиворечивую позицию. Постмодернистские представления о «я», напротив, подчеркивают значимость *множественно позиционирующегося субъекта*. Жизни людей очень сложны и складываются из множества идентификаций и позиций, которые им предлагаются. Поскольку люди осваивают разные идентификации, точнее мыслить их как обладающих множественной идентичностью²³. Нужно отдавать себе отчет в том, что подобный взгляд подрывает линейное представление о развитии как росте и изменении, а также понятие о том, что существует заранее детерминированное оптимальное состояние нормальной интеграции личности. В результате медиатор, использующий нарративную систему отсчета, заботится о том, чтобы «вместе с людьми конструировать контекст, в котором возможны изменения набора тех альтернатив, из которых делается выбор»²⁴.

Что все это значит для медиации? В приведенных идеях подчеркивается, что именно мы решаем, на чем сфокусироваться в рассказах людей. В этих идеях оформляется способ нашего осмысления того, что люди говорят. С социально-конструкционистской, или постмодернистской, точки зрения, та позиция, которую человек демонстрирует в конфликтной ситуации, определяется дискурсивными полями, продуцирующими изменчивые, множественные, противоречивые формы субъектности²⁵. Это не фиксированные позиции, которые вырастают из внутренних биологических императивов, хотя убеждения человека могут быть

достаточно жесткими и глубоко укорененными. Как медиаторы мы можем также обращать внимание на то, каким образом люди «вговаривают» себя в те или иные позиции, находясь в поле влияния определенных дискурсов, или как бы принимают предложение другого человека занять определенную позицию во взаимодействии с ним.

Все это приводит нас к тому, что медиация – это возможность для участников реконструировать свою интерпретацию истории конфликта в свете каких-то альтернативных дискурсивных позиций. Эти позиции не могут быть свободными от ценностей, нейтральными и объективными. Они всегда извлекаются из культурного контекста, к которому мы принадлежим. Зачастую люди связаны одновременно с множеством различных дискурсов, например, с теми, что определяются их семейной ситуацией, родом занятий, полом, этнической принадлежностью, социально-экономическим статусом, религиозной принадлежностью, сексуальной ориентацией, возрастом, наличием или отсутствием инвалидности и так далее. Джеффри Эскофьер описал обыденный опыт жизни на границе различных дискурсивных сообществ и возникающие в результате пересекающиеся, перекрестывающиеся идентичности и интересы или так называемые «пограничные идентичности»²⁶. Нарративная медиация стремится подчеркнуть эти перехлесты. Медиатор старается вывести на первый план именно такие сложные описания конфликта (вместо того чтобы остановиться на каком-то одном непротиворечивом описании), чтобы создать пространство для появления новых смыслов. Каждый новый смысл дает участникам возможность занять позицию в альтернативном дискурсе, ином по сравнению с тем, который привел к возникновению конфликта.

Например, участникам конфликта предлагается нарушить привычку занимать бинарные («или – или») позиции по отношению к конфликту. Встречаясь до совместной сессии с каждой из сторон индивидуально, нарративные медиаторы стремятся исследовать, во-первых, то, по отноше-

нию к чему люди испытывают абсолютную уверенность, и, во-вторых, – области неопределенности, дилеммы, внутренние конфликты. Медиаторы стараются не вызывать у людей впечатления, будто хотят услышать от них какое-то непротиворечивое видение проблемы, поскольку вовсе не ждут, что у людей имеется цельный и согласованный жизненный опыт. Неоднозначности, противоречия, внутренние конфликты возникают всегда, поскольку мы находимся под воздействием множественных и нередко противоречащих друг другу смыслов того, что происходит вокруг.

С нарративной точки зрения, подобная сложность – это союзник, а не враг процесса медиации. Сложность увеличивает количество возможностей развития. Множественные идентичности увеличивают разброс и диапазон ресурсов, которые люди могут использовать, чтобы пережить ситуацию. Конфликтующие дискурсы означают, что люди всегда могут научиться чему-то, если посмотрят на происходящее с другой точки зрения. Таким образом, появляются шансы творческого изменения, если только люди начнут искать их, вместо того чтобы пытаться уменьшить степень сложности. Иными словами, мы верим, что гораздо больше можно получить от прославления сложной противоречивой природы жизни, нежели от стремления воплотить химеру согласованности и однозначности.

Политика медиации*

Большинство исследователей медиации признают, что разногласия и конфликты задают специфику конкретной медиации и одновременно сами оформляются в ходе этого

* «Политику» в данном случае следует понимать в смысле, предлагаемом Мишелем Фуко: в процессе своей профессиональной деятельности специалисты (интеллектуалы) совершают поступки, воплощающие в микроконтексте интересы и намерения различных социальных групп. Эти поступки в микроконтексте меняют баланс власти и трансформируют общество. Специалист, обладающий особым знанием (например,

процесса. Неверно было бы определять медиаторов как непредвзятых специалистов по процессу, которых заботит только применение техник и действий, обеспечивающих беспристрастность и направленных на то, чтобы привести стороны к разрешению конфликта. Эффективные медиаторы глубоко погружены в сложную динамику конфликта, хотят они того или нет. Они всегда выносят явные и скрытые суждения о том, как следует разбираться с теми или иными проблемами, какие перспективы соглашений являются предпочтительными и как относиться к различным интересам сторон.

На медиаторов влияет степень готовности сторон к участию в медиации, сложность проблем, с которыми им приходится сталкиваться, способность участников конфликта влиять на возможности достижения поставленных ими целей, а также характер отношений медиатора со стороной, имеющей меньше власти. Шаги, которые предпринимает медиатор, влияют на поступки и реакции сторон, определяя, в конечном счете, как именно будет рассматриваться конфликт.

Защитники и апологеты медиации часто занижали роль ценностей, предрассудков и точек зрения самого медиатора и вместо этого подчеркивали значимость его нейтральности и беспристрастности. Кристофер Мур проводит различие между нейтральностью и беспристрастностью как специфическим способом утверждения возможности медиатора быть объективным и одинаково относиться к каждому из участников²⁷. Мур считает, что нейтральность возможна только в случае, когда у медиатора не было пред-

медиатор) может стать объектом манипуляции со стороны групп, заинтересованных в поддержании определенного распределения власти и ресурсов в обществе. Осознанность и внимание к политическому измерению процесса, происходящего в комнате для медиаций, может уберечь медиатора от того, чтобы неосознанно воспроизводить угнетение и притеснение, локально реализующиеся в конкретном конфликте. – *Прим. перев.*

шествующих отношений с участниками конфликта и он не получает никакой выгоды или специальной платы за услуги медиации от одной из сторон. Беспристрастность же он описывает как отказ от предпочтения интересов, пожеланий и предложений одной стороны над другой. Мур признает, что у медиатора может быть личное мнение о желательном исходе, но полагает, что успешный медиатор может отделить свое личное мнение о желаемом исходе от того, чего хочется сторонам. Окончательное решение о том, был ли медиатор беспристрастным, выносят стороны. Когда стороны конфликта, все участники этого процесса могут заявить, что медиатор был справедливым и ко всем относился одинаково, только тогда, согласно Муру, тот может считаться беспристрастным.

Отстаивание нейтральности и беспристрастности медиатора – все же слабый аргумент против критиков, утверждающих, что медиация является несовершенным инструментом разрешения конфликтов, поскольку подвержена предрассудкам, предвзятости и убеждениям самого медиатора. Рифкин, Миллен и Кобб описали нейтральность и беспристрастность как своего рода фольклор, бытующий среди медиаторов. Они поставили серьезные вопросы относительно того, до какой степени медиатор в действительности может быть нейтральным и тем самым отделить себя от собственной культурной истории²⁸.

Критики медиации обеспокоены тем, что ей не хватает формализованности и структуры. В закрытом пространстве комнаты для медиации, вдали от публичного контроля и какой-либо формальной подотчетности медиаторы могут поспособствовать тому, что группы населения, и без того подвергающиеся притеснению, окажутся в еще более неблагоприятном положении. Медиаторы могут также навязывать свои представления о процессе медиации таким образом, что изменят системы отсчета, о которых изначально договорились конфликтующие стороны. Фолджер и Буш обобщают это следующим образом: «В медиации конфлик-

тов могут замалчиваться проблемы социальной несправедливости, может игнорироваться дисбаланс власти, а исход медиации – определяться скрыто навязанными ценностями третьей стороны»²⁹.

Однако, как указывают те же авторы, и другие подходы к разрешению конфликтов могут в той же степени пострадать от навязывания точки зрения того или иного профессионала, пытающегося помочь сторонам. Более распространенные способы разрешения конфликтов, такие, например, как судебный процесс или переговоры, настолько переплетены с доминирующими культурными практиками и с имплицитным культурным знанием, что они, вероятно, точно так же воспроизводят социальную несправедливость.

Если мы примем, что нейтральность и беспристрастность медиатора – идеи привлекательные, но едва ли достижимые, то окажемся перед фактом, что влияние медиатора – это неотъемлемая часть процесса медиации. Обнаруживаются весьма веские основания считать влияние медиатора потенциальным источником либо справедливых, либо несправедливых результатов.

Некоторые медиаторы полагают, что их влияние должно быть использовано для того, чтобы ограничивать преимущества той стороны, которая имеет в конфликтных отношениях больше власти. И действительно, если медиатор не станет усиливать влияние более слабой стороны и ограничивать доминирующее воздействие более сильной, медиация, с точки зрения некоторых критиков, сама превратится в форму унижающего жестокого обращения. Рассмотрим, например, различия в степени власти и влияния, с которыми приходят на медиацию работодатель и работник, или владелец квартиры и квартиросъемщик. Эти позиции подразумевают различную степень «ощущения себя вправе» (*entitlement*), т. е. способности человека принимать решения, влияющие на другую сторону. Или возьмем расхождения уровней власти и влияния между человеком, ко-

торый образован, богат, красноречив, и тем, кто необразован, беден и косноязычен. Когда подобные расхождения в степени возможности влияния достаточно заметны, но медиатор ничего с этим не делает, его работу можно считать неэтичной.

Однако когда медиаторы стараются разобраться с различиями в статусе, авторитете, власти и позиции в отношениях между сторонами за счет открытого объединения с более слабой стороной и контроля над поведением стороны, которая выглядит доминирующей, могут возникнуть проблемы. Подобный анализ работы конфликта и того, каким образом он может быть разрешен, основывается на определенных представлениях о власти. Одно из них состоит в том, что некоторые люди обладают большей властью, чем другие. Иными словами, власть рассматривается как некий товар, или собственность, которой можно обладать. Соответственно, она измерима. Речь идет о конечных «количествах власти», которые могут быть неравномерно распределены между людьми. Подобный взгляд связан со структурным анализом социальных иерархий. В этих иерархиях те, кто находятся наверху, обладают наибольшим количеством власти и имеют наибольшее влияние в конфликте.

Предполагается, что медиатор тоже обладает достаточно существенным количеством власти просто за счет того, что он находится в данной роли. Если рассуждать таким образом, медиатору следовало бы работать на то, чтобы сбалансировать распределение товара-власти, по крайней мере внутри процесса медиации. Очевидная сложность здесь заключается в том, что медиатор не будет выглядеть как нейтральный и беспристрастный, особенно со стороны того, кто изначально, как считается, обладает большей властью.

В основе этих представлений лежит определенная метафора. Метафора товара привносит с собой набор предположений, весьма проблематичных с постмодернистской точки зрения. Речь идет об эссенциалистском понимании

власти. Мишель Фуко³⁰ достаточно подробно критиковал использование метафоры товара в применении к понятию власти и предложил принципиально иные способы мышления о власти, которые не опираются на структурный анализ и не ставят во главу угла статическую картину власти, якобы принадлежащей кому-то и находящейся в сфере обладания отдельных людей.

Нарративный подход к медиации опирается на этот постструктуралистский анализ власти. С постструктуралистской точки зрения, власть не «прилипает» к структурным позициям в иерархическом устройстве общества, она проявляется и функционирует в дискурсе. Дискурсы предлагают позиции, занимая которые, люди в большей или меньшей степени чувствуют себя «вправе на что-то». В рамках конкретных дискурсов некоторые позиции считаются более легитимными или более явными, другие находятся в подчиненном положении. Некоторые голоса слышны, а некоторые заглушаются.

Но, конечно же, дискурсы являются продуктами меняющихся, сдвигающихся, нестабильных разговоров*, которые имеют место в сообществах и языковых мирах. По мере того как дискурсы сдвигаются и изменяются, меняются и дискурсивные позиции легитимации и маргинализации. В одном контексте в рамках конкретного дискурса какие-то люди могут позиционироваться как обладающие властью и привилегиями, но вовсе не обязательно они переносят эту власть в другой контекст или просто в другие взаимодействия, в другой разговор. Люди регулярно оспаривают эти позиции. Таким образом, с постструктуралист-

* Слово «разговор» в данном случае является переводом английского “conversation” – ключевого термина в рамках радикального конструкционизма Р. Харре. Отрицая существование особой «психической реальности», Харре считает реальность разговора единственно существующей человеческой реальностью, помимо физической и физиологической. Термин «позиционирование», постоянно употребляемый авторами данной книги, также введен Р. Харре. – *Прим. перев.*

ской точки зрения, власть всегда является нестабильной. Это, скорее, феномен, связанный с взаимоотношениями, нежели товар, или некое количественно измеримое нечто, чем обладает индивид. Власть никогда не локализована здесь или там, никогда не находится в руках у кого-то, ее невозможно присвоить как некоторую собственность.

Когда мы рассматриваем власть с этой точки зрения, то оказывается, что власть присутствует в жизни людей по-разному, и это либо открывает, либо закрывает возможности в зависимости от контекста, в котором обнаруживают себя люди. Такая перспектива, с нашей точки зрения, не противоречит положению о том, что власть может систематически воплощаться достаточно стабильно и тем самым притеснять и угнетать каких-то людей в каких-то контекстах в большей степени, чем других (в тех же контекстах). Подобные системные эффекты – неравномерное воздействие власти в отношениях – не должны рассматриваться как некая вещь, которой можно обладать. Власть находится везде и пронизывает весь социальный организм. Вся социальная жизнь оказывается сетью отношений власти, и эти отношения всегда могут быть пересмотрены не только на уровне масштабных социальных структур, но и на локальном и индивидуальном уровнях³¹.

Если таким образом понимать власть, медиаторы могут признать, что те, кто, на первый взгляд, принадлежат к притесняемым группам населения, могут иметь доступ к некоторым способам действия, существенно влияющим на отношения. С этой точки зрения, не имеет смысла говорить о том, что кто-то полностью лишен власти, беспомощен, не имеет возможности действовать. Проблематичным является также понятие «эмпауэрмента» (*empowerment*) – «придания сил», которое основывается на метафоре власти как товара.

Нарративные медиаторы скорее будут говорить о том, каким образом люди могут воспользоваться возможностями сопротивляться воздействию власти на их жизнь. Такие

медиаторы исходят из того, что это всегда возможно. Одинаковость, равномерность власти никогда не будет достигнута, это даже и нежелательно, потому что такое представление возвращает нас обратно к индивидуалистическому прочтению отношений власти, где власть уподобляется товару. Отношения власти скорее могут быть рассмотрены как постоянно меняющийся продукт борьбы и состязания. Эти отношения все время производятся и воспроизводятся, даже в процессе медиации. Когда люди дают отпор определенным отношениям власти, эти отношения начинают меняться, хотя бы чуть-чуть. Таким образом, процесс выражения сопротивления помогает людям выработать у себя ощущение способности влиять на собственную жизнь (*agency*). В частности, это очень важно для людей, подвергавшихся маргинализации, тех, чьи голоса были заглушены.

Глядя с этой точки зрения на способность влиять на собственную жизнь, мы признаем, что, скорее всего, даже в ситуациях, где кажется, что действовать никоим образом невозможно, какие-то возможности все-таки есть – в разное время, в разных обстоятельствах. Даже наиболее замученный, «затюканный», затоптанный человек может продемонстрировать своего рода психологическое сопротивление ограничивающим или угнетающим его обстоятельствам³². Такой анализ уводит нас от глобализирующего представления о бессилии и делает людей более восприимчивыми к их способности действовать даже «на своем квадратном сантиметре».

Нарративная метафора

Сама метафора нарратива требует более подробного объяснения. Рассмотрим, насколько она применима и полезна в медиации.

Если процитировать Майкла Уайта, «мы вступаем в истории, другие люди помещают нас в истории, мы проживаем свою жизнь через истории»³³. Когда мы использу-

ем прилагательное «нарративный» для описания нашего подхода, мы ссылаемся не просто на стадию рассказывания истории в процессе медиации, когда каждый из участников конфликта должен рассказать о своем видении происходящего. Скорее, мы говорим о нарративном модусе мышления, о котором писал Джером Брунер. Он считал его особенно подходящим для понимания сложных человеческих намерений и взаимодействий³⁴.

С точки зрения Брунера, люди конструируют свои намерения и отыгрывают свои «смысловые перформансы»³⁵, используя характеристики *хорошей истории* (с литературной точки зрения), а не факты реальности и логику причины и следствия. Таким образом, в медиации мы можем ожидать, что услышим два конфликтующих нарратива. Эти истории будут представлены, отыграны, в каждой будут свои характеристики персонажей и тематические элементы. Мы вправе ожидать некоторых различий в организации включенных в эти истории сюжетных элементов. Каждый набор событий основывается на *правдоподобии* и *согласованности* нарратива. Более того, в каждом сочетании элементов сюжета представлены особые характеристики персонажей и конструируется соответствующее описание событий, связанных с конфликтом. В каждой истории будет запущена своя сюжетная траектория в будущее, потому что одна из характеристик нарративов – то, что они объединяют события, произошедшие в разное время, и выстраивают их в определенной последовательности.

Брунер утверждает, что параллельно с «ландшафтом действия», в котором люди ставят цели, действуют, создают ситуации, существует также «ландшафт сознания», в котором люди понимают, думают и чувствуют³⁶. Ландшафты взаимно влияют друг на друга. Иными словами, люди осмысливают происходящее с ними в форме историй; тогда и создаваемые ими смыслы служат сценой, на которой они отыгрывают свои сюжеты.

Для медиации важно, что истории обретают собственную жизнь. Отсюда, когда укореняется конфликтная история, она порождает такое инерционное движение, которое уже не отражает факты или реальность ситуации, поскольку истории опосредуют наше знание реальности. Точнее говорить о том, как истории придают облик и создают реальности по мере того, как люди действуют, реагируя на истории, совершая осмысленные поступки в соответствии со своим пониманием этих историй.

Из этого следует, что успех медиации будет зависеть не столько от того, насколько медиатор сможет отделить историю конфликта от реальности, или фактов, но от того, насколько медиатор сможет сработать со сторонами, чтобы создать *альтернативную историю*. Последняя должна быть правдоподобной, должна включать значимые события конфликтной истории таким образом, чтобы они были осмысленны для участников.

Еще одна характеристика историй состоит в том, что они зарождаются в культуре. Действительно, культурный мир составлен из историй. Так что истории, в которых мы проживаем свою жизнь, всегда опираются на культурные истории «большого мира». И более того, культурные императивы могут порождать нарративы, где финал истории заранее задан начальным событием³⁷.

Таким образом, в медиации, скорее всего, будет серия историй, работающих на разных уровнях. Будут конфликтующие истории участников конфликта. Каждый человек из группы поддержки, включающийся в конфликт (в том числе и адвокаты), будет иметь собственную версию этих историй. Появится и разворачивающаяся история самой медиации. И будут базовые истории, придающие облик смыслу и на которые люди опираются, откуда они извлекают элементы для других историй. Эти базовые истории могут включать более широкие истории взаимоотношений, семейные истории, культурные истории, сюжеты из вымышленной реальности (из книг и фильмов).

Тогда задача медиации может состоять в том, чтобы найти среди базовых историй те, в которых может быть найдена поддержка для новых, альтернативных, предпочитаемых историй в жизни человека. Вместо того чтобы выискивать единственную правдивую историю, нарративный модус мышления приветствует сложность состязающихся историй и множество базовых историй. Из этой сложности может появиться разброс «возможных будущих», а из этих «будущих» участники медиации смогут выбирать. В этом состоит *сослагательное наклонение*, продвигаемое нарративным мышлением, это мышление «как если бы»³⁸. Оно полезно для медиации, потому что конфликты обычно сужают поле зрения протагонистов. Дух «сослагательности», дух «как если бы», дух возможности раскрывает мышление людей для того, чтобы все было по-другому. Подобная атмосфера дает импульс для существенных изменений.

В этой главе мы очертили наиболее важные философские положения, на которых строится нарративный подход. Теперь нужно описать практическую модель, в которой эти идеи могут обрести плоть. В этом состоит задача следующей главы. Затем мы опишем методы и техники, которыми должны владеть медиаторы, чтобы правильно работать в этой модели.

Примечания

- 1 Fisher, R., and Ury, W., *Getting to Yes: Negotiating Agreement Without Giving In* (Boston: Houghton Mifflin, 1981).
- 2 Menkel-Meadow, C, "Toward Another View of Legal Negotiation: The Structure of Problem Solving", *UCLA Law Review*, 1984, 31, 794.
- 3 Maslow, A. H., "Self-Actualizing People: A Study of Psychological Health", in C. E. Moustakas (ed.), *The Self* (New York: HarperCollins, 1956); Freud, S., *An Outline of Psychoanalysis* (New York: Norton, 1969).
- 4 Goldenberg, I., and Goldenberg, H., *Family Therapy: An Overview* (Belmont, Calif.: Wadsworth, 1985).
- 5 Fisher and Ury, *Getting to Yes*.

- 6 Rifkin, J., Millen, J., and Cobb, S., "Toward a New Discourse for Mediation: A Critique of Neutrality", *Mediation Quarterly*, 1991, 9(2), 151.
- 7 Burton, J., *Conflict: Resolution and Prevention* (New York: St. Martin's Press, 1990), p. 204.
- 8 Putman, L., "Challenging the Assumptions of Traditional Approaches to Mediation", *Negotiation Journal*, 1994, 10(4), 339.
- 9 Folger, J. P., and Bush, R. A., "Ideology, Orientations to Conflict, and Mediation Discourse", in J. Folger and T. Jones (eds.), *New Directions in Mediation: Communication Research and Perspectives* (Thousand Oaks, Calif.: Sage, 1994).
- 10 Astor, H., and Chinkin, C. *Dispute Resolution in Australia* (Sydney, Australia: Butterworth's, 1992).
- 11 Relationship Services, New Zealand National Working Party on Mediation, *Guidelines for Family Mediation: Developing Services in Aotearoa* (Wellington, New Zealand: Butterworth's, 1996).
- 12 Burr, V., *An Introduction to Social Constructionism* (London: Routledge, 1995).
- 13 Wittgenstein, L., *Philosophical Investigations* (Oxford, England: Blackwell, 1958).
- 14 Davies, B., *Shards of Glass: Children Reading and Writing Beyond Gendered Identities* (St. Leonards, Australia: Allen & Unwin, 1993).
- 15 Gergen, K. J., *The Saturated Self: Dilemmas of Identity in Contemporary Life* (New York: Basic Books, 1991), p. 243.
- 16 Foucault, M., *The Archaeology of Knowledge* (A. Sheriden-Smith, trans.) (Oxford, England: Blackwell, 1972); Harvey, D., *The Condition of Post-modernity* (Oxford, England: Blackwell, 1989).
- 17 Wittgenstein, *Philosophical Investigations*.
- 18 Gee, J. P., *Social Linguistics and Literacies* (London: Falmer, 1990).
- 19 Apple, M. W., *Official Knowledge: Democratic Education in a Conservative Age* (New York: Routledge, 1993).
- 20 White, M., "Deconstruction and Therapy", in D. Epston and M. White (eds.), *Experience, Contradiction, Narrative and Imagination* (Adelaide, Australia: Dulwich Centre Publications, 1992).
- 21 McNamee, S., "Psychotherapy as a Social Construction", in H. Rosen and K. Kuehlwein (eds.), *Constructing Realities* (San Francisco: Jossey-Bass, 1996).
- 22 Cushman, P., "Why the Self Is Empty: Toward a Historically Situated Psychology", *American Psychologist*, 1990, 45(5), 601.
- 23 Weedon, C., *Feminist Practice and Poststructuralist Theory* (Oxford, England: Blackwell, 1987).
- 24 Fruggeri, L., "Therapeutic Process as the Social Construction of Change", in S. McNamee and K. Gergen (eds.), *Therapy as Social Construction* (London: Sage, 1992).